

УДК 341.1/8

Международное право и личность

В.А. КАРТАШКИН,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
член Консультативного комитета Совета ООН по правам человека

Рассматриваются серьезные изменения в международном праве, в котором принципы и нормы, относящиеся к правам человека, приобретают ключевое значение. Анализируя вопросы создания новых отраслей права — международного гуманитарного права и международного права прав человека, постепенно преобразующихся в единую отрасль права, автор приходит к выводу, что индивид становится полноценным субъектом международного права.

Ключевые слова: международное право, отрасль права, права человека, международные преступления, суверенитет.

International law and personality

Kartashkin V.

Article considers serious changes taking place in international law. Its principles and norms related to human rights become the most important. Now two branches of international law exist: branch of humanitarian law and branch of human rights law. They gradually unity in a sole branch of international law. As the result of analysis the author concludes that individual becomes the subject of international law.

Keywords: international law, branch of law, human rights, international crimes, sovereignty.

Международное право исторически возникло как право, регулирующее отношения между государствами. Носителями прав и обязанностей первоначально были исключительно государства как единственные участники международных правоотношений. Такое положение преобладало на протяжении многих веков.

Вестфальский трактат от 24 октября 1648 г., которым завершилась Тридцатилетняя война в Европе, закрепил между его участниками право на государственную территорию и верховенство, принцип равенства, независимости и суверенитета. Положения, провозглашенные Вестфальским договором, на протяжении ряда столетий служили основой развития межгосударственных отношений.

XX век коренным образом изменил всю систему международных отношений. Создание Организации Объединенных Наций и принятие Устава ООН, процессы глобализации, постоянно возникающие угрозы миру и международной безопасности поставили отдельные государства, а также международное сообщество в целом перед сложным выбором способов адаптации к новым условиям, складывающимся в международных отношениях. Резко возросла роль личности в международных отношениях, а права человека оказались в центре деятельности Организации Объединенных Наций.

Потрясения, ознаменовавшие начало XXI века и связанные не только с терроризмом, но и с совершением лидерами ряда государств тяг-

чайших преступлений против собственных граждан и человечества в целом, поставили государства перед неизбежностью учета новых реалий, которые проявляются и во внешней политике различных государств, и в практической деятельности ООН. Однако эти реалии, включая необходимость повсеместного соблюдения прав человека, пробиваются с большим трудом через двойные стандарты и нежелание многих участников международных отношений содействовать принятию решений, ограничивающих их суверенитет.

Более того, ряд ученых и государственных деятелей все еще отстаивают догмы Вестфальской политической системы и старого международного права. Так, В.Д. Зорькин выражает сожаление, что Вестфальская система ставится под сомнение некоторыми международными соглашениями, ограничивающими суверенитет государств, а «сама ООН разрывается между жесткой вестфальской интерпретацией государственного суверенитета, с одной стороны, и возрастающим влиянием международного гуманитарного права и прав человека, которые ограничивают власть государственных лидеров над гражданами их стран, — с другой»¹. Подрыв Вестфальской системы, по его мнению, может привести к самым серьезным последствиям в международных отношениях.

Другие российские ученые, абсолютизируя принцип суверенитета государств, стали отрицать примат международного права и прямое

¹ Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля.

действие его норм, поскольку это, по их мнению, может привести к расшатыванию национальной правовой системы.

Профессор Ю.А. Тихомиров вообще отрицает взаимодействие международного и внутреннего права. «Не лучше ли, — вопрошает он, — видеть единственным преобразователем гражданское общество и государства, которые самостоятельно определяют формы своего “юридического бытия”?»¹

Абсолютизация государственного суверенитета фактически ведет к отрицанию многих фундаментальных принципов и норм современного международного права, особенно в сфере прав человека, к дестабилизации межгосударственных отношений.

Выживание в современном глобализирующемся мире возможно исключительно при учете как интересов государств, так и прав личности. Международное право в этом должно играть не только доминирующую, но и решающую роль, которая невозможна при абсолютизации суверенитета государств.

Сейчас прослеживаются две основные тенденции развития международного сообщества. Первая — это стремление государств к укреплению сотрудничества и взаимодействию между собой, созданию наднациональных органов и даже союзов. Вторая — стремление государств к абсолютизации государственного суверенитета, преувеличению собственных «национальных» интересов в ущерб международным договоренностям и попыткам отстоять догмы старого международного права.

Эти две противоположные тенденции особенно проявляются в процессе согласования норм и принципов международного права, затрагивающих права личности, ратификации и исполнения государствами международных договоренностей в этой сфере.

Права человека в современных международных отношениях. Принципы и нормы, относящиеся к правам человека, разрабатывались и принимались государствами как во внутригосударственном, так и в международном праве на протяжении длительного времени. Исторически первоначально складывались международные нормы, регулирующие поведение государств во время вооруженных конфликтов. Эти нормы регламентировали военные действия таким образом, чтобы ограничить жестокость войны и обеспечить соблюдение гуманитарных стандартов в отношении воюющих, раненых, больных, военнопленных и в особенности гражданского населения.

Г. Гроций оправдывал так называемые справедливые войны, которые, однако, не могли быть поводом для нарушения правил войны воюющими сторонами².

Во второй половине XIX — начале XX века постепенно осуществлялась кодификация законов и обычаев войны. Этапной стала Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1864 года. Первая же в истории международных отношений кодификация законов и обычаев войны была реализована на мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах. С течением времени международное сообщество принимало новые акты, направленные на регулирование законов и обычаев войны, а также совершенствовало действовавшие правила. Наиболее значительные из них — четыре Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним, касающиеся защиты жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов.

В отличие от международных конвенций, регулирующих законы и обычаи войны, принципы и нормы, касающиеся прав человека в условиях мира, стали складываться практически только с наступлением XX века. Первоначально они принимались на национальном уровне, а затем закреплялись в международно-правовых документах.

Вплоть до первой половины прошлого столетия международные отношения строились на уважении принципов государственного суверенитета и суверенного равенства государств. На основе этих принципов учреждалась и Лига Наций. Каждый член Лиги обладал в ее высших органах — Собрании и Совете — одним голосом, и их решения принимались единогласно (статьи 3—5 Статута Лиги Наций). До момента учреждения Организации Объединенных Наций индивид в межгосударственных отношениях практически не имел ни прав, ни обязанностей. Вопросы, связанные с правами человека, рассматривались в то время как входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Исключение составили лишь некоторые нормы, относящиеся к законам и обычаям войны, пиратству, запрещению рабства и принудительного труда. Не существовало и органов международного правосудия. Индивид за свои преступления, даже если они носили трансграничный характер, отвечал перед судом национального государства, которое привлекало его к ответственности. Субъектами ответственности по старому международному праву являлись исключительно государства.

Первые попытки привлечения отдельных индивидов к ответственности за нарушения законов и обычаев войны были закреплены в Версальском мирном договоре 1919 года. Германское правительство признало «за союзниками право судить своими военными судами германских подданных, виновных и обвиняемых в нарушении законов и обычаев вой-

¹ Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 312.

² См.: Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1956.

ны, независимо от привлечения их или нет к ответственности по германским законам» (статьи 228—230 Версальского мирного договора). Предусматривалось создание специального трибунала лишь для организации судебного процесса над бывшим германским императором Вильгельмом II Гогенцоллерном, виновным «в высшем оскорблении международной морали и священного авторитета договоров» (ст. 227 Версальского мирного договора).

Серьезные перемены стали происходить в ходе Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций. Принятие Устава ООН было ключевым событием, повлекшим за собой кардинальные изменения в международном праве и международных отношениях.

Как справедливо считает американский ученый Дж. Икенберри, после Второй мировой войны был «перейден исторический водораздел: до 1945 года права человека были незначительным аспектом мировой политики; после 1945 года международные нормы, относящиеся к правам человека, стали центральными в международных отношениях»¹.

Устав ООН, провозгласив принцип суверенного равенства членов Организации Объединенных Наций, в то же время существенно ограничивал суверенитет государств, что выражалось и в их обязанности подчиняться решениям Совета Безопасности и Международного суда ООН, а также в применении принудительных мер на основании главы VII. Государства, которые не являлись членами ООН, обязаны были действовать в соответствии с принципами деятельности Организации Объединенных Наций. Не менее важной мерой, ограничивающей суверенитет государств, стало закрепление в Уставе ООН принципа уважения и соблюдения прав человека (п. 3 ст. 1, ст. 55).

После принятия Устава ООН были заключены многие международные соглашения, которые в значительной степени ограничивали суверенитет государств, обязывая их соблюдать достигнутые международные договоренности. Речь идет прежде всего о международных соглашениях, обязывающих государства соблюдать основные права и свободы человека. Перечень таких соглашений довольно впечатляющий.

Согласно девяти основным международным договорам были созданы контрольные конвенционные органы (комитеты), которые рассматривают доклады государств-участников о мерах, применяемых ими для выполнения взятых на себя обязательств. Эти же комитеты рассматривают межгосударственные жалобы, а также индивидуальные петиции по поводу нарушений государствами-участниками основных прав и свобод человека.

Наряду с ограничением суверенитета государств посредством принятия ими на себя обязательств соблюдать фундаментальные права и свободы личности происходит процесс достижения международных договоренностей, возлагающих на индивида уголовную ответственность за международные преступления.

К серьезным ограничениям принципа суверенитета государств привели создание и деятельность Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года предусмотрела уголовную ответственность лиц, совершающих геноцид, «независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами» (ст. 4).

В соответствии с Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 года лица, совершившие серьезные нарушения конвенций, подлежат уголовному наказанию.

Наконец, Римский статут Международного уголовного суда (далее — Римский статут, Статут), вступивший в силу 1 июля 2002 г., предусматривает уголовную ответственность лиц, совершивших следующие преступления: преступление геноцида; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии (ст. 5).

Действуют также Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде, которые судят лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права.

Признание уголовной ответственности индивидов за совершение международных преступлений не означает, как считают многие ученые и государственные деятели, что в современных международных отношениях сложился общеобязательный принцип универсальной юрисдикции, согласно которому судебные органы государств наделяются правом расследовать дела и наказывать лиц независимо от гражданства и места совершения преступлений, признанных таковыми международным сообществом. При этом делаются ссылки на Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Женевские конвенции 1949 года². Однако первая прямо предусматривает, что «лица, обвиненные в совершении геноцида... должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние» (ст. 6). В Женевских конвенциях речь идет не об универсальной юрисдикции, а о принципе взаимопомощи государств-участников в уголовном преследовании лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях соглашений.

¹ Ikenberry J. The cost of victory: american power and the use of force in the contemporary order // Kosovo and the Challenge of Humanitarian Intervention. — N.Y., 2000. P. 85—100.

² См., например: *Ледях И.А.* Международное гуманитарное право и защита прав человека. — М., 2008. С. 231—265.

Профессор Брюссельского университета Э. Давид в обоснование существования универсальной юрисдикции ссылается на ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, имеющих согласно Уставу ООН рекомендательный характер, как на решения, которые, «отражая существующее право и используя “нормативную лексику”, являются обязательными»¹.

Для того чтобы определить, признается ли принцип универсальной юрисдикции в современном международном праве как обязательный, следует проанализировать Римский статут. В ходе его разработки и принятия высказывались противоположные точки зрения по этому вопросу. Особые споры вызывал проект статей 12 и 13 относительно осуществления юрисдикции Международным уголовным судом (далее — Суд).

США и ряд других стран выступали за то, чтобы под юрисдикцию Суда ни в коем случае не попадали государства, не являющиеся участниками Статута. Д. Шеффер, глава делегации США на Римской конференции, считал необходимым устранить «опасный перекося» положений Статута в признании универсальной юрисдикции в отношении государств, не являющихся его участниками. В противном случае, по его словам, США не подпишут Римский статут. Однако, как заявил Президент США Б. Клинтон, подписывая Статут, Соединенные Штаты Америки будут использовать свое влияние для того, чтобы не допустить осуществление юрисдикции Суда в отношении государств, не являющихся его участниками.

Окончательная редакция положений Статута относительно юрисдикции Суда — результат попыток найти взаимоприемлемое решение, которое, впрочем, не удовлетворило противников концепции универсальной юрисдикции. В ней прямо предусмотрена юрисдикция Суда только в следующих случаях:

— если государство, на территории которого совершено преступление, является участником Статута (подп. «а» п. 2 ст. 12);

— если государство, гражданином которого является лицо, обвиненное в совершении преступления, является участником Статута (подп. «b» п. 2 ст. 12);

— если государство в случаях, предусмотренных подпунктами «а» и «b» п. 2 ст. 12, не является участником Статута, но признает его юрисдикцию в отношении конкретного преступления.

Суд осуществляет свою юрисдикцию, если соответствующая ситуация передается прокурору государством-участником или Советом Безопасности, действующим в рамках положений главы VII Устава ООН (ст. 13). Прокурор начинает расследование только на основании

информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда (п. 1 ст. 15).

Таким образом, Римский статут признал в строго определенных случаях право Суда осуществлять свою юрисдикцию только в отношении преступления геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступления агрессии.

Все это свидетельствует о том, что принцип универсальной юрисдикции только складывается в современном международном праве и исключительно в отношении конкретных преступлений.

В глобализирующемся мире происходит переосмысление многих норм и принципов международного права, которые видоизменяются в целях адаптации к новым реалиям. С определенными оговорками можно согласиться с мнением Г. Киссинджера, что «традиционно понимаемые принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств являются в настоящее время главным препятствием созданию всеобщего мира и справедливости»².

Думается, в настоящее время речь должна идти не только о видоизменении некоторых принципов и норм международного права, но и о пересмотре целого ряда международных соглашений. Сегодня необходимо выступать не за сохранение догм международного права, а за адаптацию его к реалиям глобального международного сотрудничества в контексте изменяющейся геополитической картины мира.

Права человека как отрасль международного права. Нормы и принципы международного права, относящиеся к правам человека, складывавшиеся на протяжении длительного времени, привели к образованию новых отраслей права. Эти отрасли занимают особое место в международном праве, определяемое спецификой объекта и характерными чертами метода правового регулирования, созданием и функционированием международного контроля за соблюдением взятых государствами обязательств, тесной связью с внутригосударственным правом, значением в системе современных международных отношений и многими другими особенностями.

Нормы, регулирующие права человека в мирное время, имеют некоторые характерные черты, которые отличают их от законов и обычаев войны. К ним можно отнести:

— сравнительно недавнее их формирование и закрепление в международном праве;

— создание конвенционных контрольных органов;

— учреждение механизма контроля над всеми государствами — членами ООН, а не только над теми, которые ратифицировали те или иные договоры.

¹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. — М., 2000. С. 529—597.

² Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Forward diplomacy for the 21 Century? — N.Y., 2001. P. 234.

Эти и другие различия, по мнению многих ученых, свидетельствуют, что в настоящее время существуют две отрасли права: международное гуманитарное право (далее — МГП) и международное право прав человека (далее — МППЧ).

В российской и зарубежной юридической литературе уже длительное время высказываются различные точки зрения относительно существования названных отраслей права. Так, Г.И. Тункин еще в 70-е годы XX века утверждал, что «появляется новая отрасль международного права, определяющая обязанность государств по обеспечению всем людям независимо от расы, языка, религии, пола основных прав и свобод»¹. В учебнике международного права Г.И. Тункин писал о возникновении и развитии «одной из важных отраслей международного права — международной защиты прав человека»².

Болгарский профессор П. Радойнов считал, что после принятия Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей ряд гуманитарных принципов, следует говорить о существовании особой отрасли права — международного гуманитарного права³.

Необходимо подчеркнуть, что обычно в юридической литературе под гуманитарным правом понимают совокупность норм, касающихся правового положения определенной категории лиц в период вооруженных конфликтов и регулирующих законы и обычаи войны.

Профессор Ж. Пикте, бывший вице-президент Международного комитета Красного Креста, высказывал разделяемое рядом ученых мнение о существовании международного гуманитарного права, представляющего собой систему норм, регулирующих законы и обычаи войны и права человека⁴. А. Робертсон, критикуя данное утверждение, считает, что права человека в качестве отрасли международного права являются основой развития гуманитарного права, которое служит ее составной частью⁵.

И.П. Блищенко, соглашаясь с мнением Ж. Пикте, считал предлагаемую им систему международного гуманитарного права убедительной. В то же время он относил к международному гуманитарному праву не только систему норм, регулирующих законы и обычаи вой-

ны и права человека, но и нормы, направленные на ограничение гонки вооружений и разоружение⁶.

По нашему мнению, сформулированному еще в 1976 году, права человека в качестве отрасли современного права представляют собой совокупность принципов и норм, определяющих обязанность государств по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека без всякой дискриминации как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, а также устанавливающих ответственность за преступное нарушение таких прав. Данное определение разделяют и другие юристы-международники⁷.

За последние годы споры вокруг существования двух отраслей права — МГП и МППЧ — не прекратились. Однако все большее признание получает точка зрения об их взаимодополняемости и конвергенции. Так, профессор Розмари Аби-Сааб пишет: «Если гуманитарное право и право прав человека преследуют одну и ту же цель, которая состоит в защите индивида от любых посягательств на его личность как во время вооруженных конфликтов, так и в мирное время, то неудивительно, что две эти ветви международного права должны дополнять друг друга»⁸.

Схожие идеи высказывают англичанка Франсуаза Хэмпсон и египтянин Ибрагим Салана, которые говорят о взаимосвязи МГП и МППЧ и о конвергенции этих двух сводов норм.

Ханс-Йоахим Хайнтц также полагает, что «конвергенция прав человека и международного гуманитарного права является практически осуществимой и полезной»⁹. Несколько иную точку зрения высказывает И.А. Ледак, утверждая, что после Второй мировой войны происходит сближение МГП с правами человека. Однако это «сближение», по ее мнению, ведет к усилению глобального характера МГП как самостоятельной отрасли международного права¹⁰.

Точка зрения о взаимодополняемости и фактической конвергенции МГП и МППЧ получила распространение и в практике международных отношений. Комиссия ООН по правам человека, преобразованная в 2006 году в Совет по правам человека, в резолюции 2005/63 от 23 апреля 2005 г. признала, что «права чело-

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. — М., 1970. С. 93.

² Международное право / под ред. Г.И. Тункина. — М., 1974. С. 232.

³ См.: Radoinow P. La Protection internationaux des droits de l'homme. — Sofia, 1971. P. 95—122.

⁴ См.: Pictet J. Principles of International Humanitarian Law. — Geneva, 1966; Туинов О.И. Международное гуманитарное право: учеб. — М., 1999. С. X.

⁵ См.: Robertson A. Human Rights in the World. — Manchester. P. 174.

⁶ См.: Блищенко И.П. Обычное оружие и международное право. — М., 1984. С. 76.

⁷ См., например: Манов Б.Г. ООН и содействие осуществлению соглашений о правах человека. — М., 1986. С. 19.

⁸ Abi-Saab R. Human Rights and Humanitarian Law in Internal Conflicts // Human Rights and Humanitarian Law. — Kluwer, 1997. P. 122—123.

⁹ Heintze H.-J. On the Relationship Between Human Rights Law Protection and International Humanitarian Law // International Review of the Red Cross. December 2004. Vol. 86. No 856. P. 789.

¹⁰ См.: Ледак И.А. Принципы и нормы международного гуманитарного права — консолидирующая основа защиты прав человека в вооруженных конфликтах // Права человека и процессы глобализации современного мира / под ред. Е.А. Лукашевой. — М., 2005. С. 373.

века и международное гуманитарное право дополняют и укрепляют друг друга. Защита, обеспечиваемая правом прав человека, продолжает действовать в условиях вооруженных конфликтов с учетом тех случаев, когда международное право применяется как *lex specialis*. В резолюции также подчеркивается, что «поведение, которое нарушает международное гуманитарное право... может также представлять грубое нарушение прав человека».

Приняв 16 декабря 2005 г. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, Генеральная Ассамблея ООН фактически признала интеграцию этих двух отраслей права (резолюция A/RES/60/147 от 16 декабря 2005 г.). В резолюции практически не проводится каких-либо существенных различий между правами человека и международным гуманитарным правом, а также принципами, касающимися права на правовую защиту и возмещение ущерба в зависимости от нарушений тех или иных соглашений в рассматриваемой области.

Для того чтобы определить степень конвергенции двух указанных отраслей права, необходимо рассмотреть вопрос о применимости МППЧ и МГП в различных условиях.

В научных работах и публикациях на эту тему высказываются различные точки зрения. Сторонники существования международного гуманитарного права утверждают, что МППЧ применяется лишь в мирное время, а МГП является единственным сводом правил, применяемым в период вооруженных конфликтов. Ученые, которые настаивают на существовании самостоятельной отрасли прав человека, говорят о том, что МППЧ применяется как в мирное, так и в военное время.

Совет Безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН и Комиссия ООН по правам человека в своих резолюциях и решениях неоднократно высказывались о необходимости соблюдения в период вооруженных конфликтов как прав человека, так и гуманитарного права. Тем самым они подтверждали факт, что оба режима могут применяться в одной и той же ситуации. Международный суд ООН в своем консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории заявил, что «защита, обеспечиваемая конвенциями о правах человека, не прекращается во время вооруженного конфликта... Что же касается взаи-

мосвязи между международным гуманитарным правом и стандартами в области прав человека, то существуют три возможные ситуации:

— одни права могут быть исключительно вопросами международного гуманитарного права;

— другие могут быть исключительно вопросами стандартов в области прав человека;

— третьи могут быть вопросами, охватываемыми обеими этими отраслями права...

Суд должен принять во внимание обе эти отрасли международного права, а именно стандарты в области прав человека и — как *lex specialis* — международное гуманитарное право¹.

В контексте данного заключения Суда можно сделать вывод, что МППЧ применяется во всех ситуациях, а МГП выступает как *lex specialis*. Такой вывод подтверждается деятельностью ряда договорных конвенционных органов. В 2001 году Комитет ООН по правам человека принял замечания общего порядка № 29 (2001) относительно отступления от обязательств в связи с чрезвычайным положением. В них он четко указал, что данные положения применяются и в ситуациях, когда происходят международные и внутренние вооруженные конфликты, а Комитет по правам человека может рассматривать любые сведения о нарушениях прав человека в пределах своей юрисдикции даже в условиях вооруженных конфликтов².

Совет Безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН и Комиссия ООН по правам человека неоднократно подтверждали правомерность применения МППЧ в условиях вооруженных конфликтов. Такую же позицию занимают Европейский суд по правам человека и Межамериканский суд по правам человека³. Однако это положение разделяется не всеми государствами. Так, США не раз заявляли, что различные органы ООН не имеют права применять МППЧ в тех случаях, когда те или иные вопросы регулируются МГП⁴. Очевидно, что такая позиция имеет целью сузить применение правовых норм в условиях вооруженных конфликтов и тем самым привести к оправданию нарушения ряда фундаментальных прав и свобод.

О сближении МППЧ и МГП однозначно свидетельствует Римский статут. Согласно ст. 21 Статута «Применимое право» Суд применяет «международные договоры, принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов» (подп. «b» п. 1). Приведенная формулировка наглядно свидетельствует, что Статут рассматривает МГП как часть МППЧ. Более того, согласно Статуту применение и толкование права Судом «долж-

¹ International Court of Justice. Advisory Opinion. 2004. 9 July. P. 106.

² См.: Doc/UN HRJ/GEN/1/Rev. 7. P. 280—287.

³ См.: Doc. UN E/CN.4/Sub.2/2005/14. 21 June 2005.

⁴ См.: Doc. UN E/CN.4/2003/8/ Add. 1.2 April 2003.

но соответствовать международно признанным правам человека и не допускать никакого неблагоприятного проведения различия по таким признакам, как гендерный признак... возраст, раса, цвет кожи, язык, религия или вероисповедание, политические или иные убеждения, национальное, этническое или социальное происхождение, имущественное, сословное или иное положение» (п. 3 ст. 21).

Характерно, что юрисдикция Суда не ограничивается военными преступлениями и включает в себя преступление геноцида, преступление агрессии и преступления против человечности (апартеид, пытки, насильственное исчезновение людей и др.). Следовательно, под юрисдикцию подпадают все виды преступлений, охватываемые как МППЧ, так и МГП.

Анализ международно-правовых документов, решений ООН и региональных организаций позволяет сделать вывод о том, что МППЧ применяется в условиях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера. При этом одновременное применение МППЧ и МГП позволяет максимально полно защищать основные права и свободы человека.

Таким образом, МГП и МППЧ позитивно взаимодействуют друг с другом, постепенно интегрируясь в одну отрасль права — международное право прав человека. Думается, что процесс интеграции будет продолжаться еще длительное время, в ходе которого стирание граней между МГП и МППЧ приведет к созданию единой отрасли международного права.

Права человека и личность в международных правоотношениях. Как уже отмечалось, во второй половине XX века и в текущем столетии роль государства и личности в международных правоотношениях коренным образом изменилась. В настоящий момент международное право регулирует не только отношения между государствами, но и права и свободы человека.

Международные правоотношения все еще рассматриваются многими учеными в качестве отношений, урегулированных принципами и нормами международного права, участники которых являются носителями прав и обязанностей. По их мнению, международные правоотношения — это, в конечном счете, межгосударственные отношения, к которым они относятся отношения между государствами и государственными образованиями, а также между международными и межправительственными организациями.

Аналогичные определения не отражают новых тенденций в международных отношениях, проявляющихся в глобализирующемся мире. Они не учитывают все возрастающую роль ин-

дивида в современном мире, который не только участвует в международных отношениях, но и имеет определенные права, несет специфические обязанности, а также ответственность за нарушение норм и принципов международного права. Более того, индивид опосредственно участвует в создании норм и принципов международного права.

Международные правоотношения складываются на основе правовых принципов и норм, выраженных в договорной или обычной форме в результате согласования позиций государств.

В доктрине международного права широкое распространение получила точка зрения, согласно которой создание норм международного права происходит путем согласования волевых устремлений различных государств. При этом иногда даже речь идет об «общей воле»¹ сторон, создающих нормы международного права, и даже об их слиянии².

В практике международных отношений нормы создаются при помощи согласования позиций различных их участников, которые зачастую резко отличаются от первоначальных намерений государств. В этом процессе определенную роль играют и индивиды, избираемые в качестве независимых экспертов в различные универсальные и региональные органы (Комиссия международного права ООН, Комитет ООН по правам человека, Международный суд ООН, Европейский суд по правам человека и др.).

Указанные органы, состоящие из независимых и беспристрастных экспертов, играют значительную роль в прогрессивном развитии и кодификации международного права. Проекты различных международных договоров и документов, подготовленные, например, Комиссией международного права ООН, затем, как правило, без существенных изменений принимаются государствами — членами ООН. Следует особо отметить, что членами таких органов являются не представители государств, а независимые эксперты, которые обычно в своих решениях руководствуются не позицией тех или иных государств, а общечеловеческими ценностями и интересами международного сообщества в целом. Широкий обмен мнениями дает им возможность вырабатывать и принимать решения, отвечающие интересам всего международного сообщества. Это очень важно потому, что в современном мире, как никогда ранее, особую опасность представляет преследование отдельными государствами своих сугубо эгоистических национальных интересов и навязывание их международному сообществу в целом.

Не считаясь с правами других и не принимая во внимание глобальные реальности, они стремятся усилить свое влияние в междуна-

¹ См.: Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права: императивные нормы *jus cogens*. — Тбилиси, 1982. С. 163—164.

² См.: Тункин Г.И. Указ. соч. С. 242.

родных отношениях, одновременно принимая меры по ослаблению интересов иных участников международных отношений. Роль международного права в этих условиях особенно возрастает. Его принципы и нормы должны сочетать национальные интересы государств с общечеловеческими ценностями, учитывать потребности развития глобализирующегося мира и всего международного сообщества в целом.

В настоящее время в центре деятельности ООН находится человек, его права, свободы, интересы.

Роль индивида в международных отношениях постоянно возрастает. Как уже было отмечено, индивид в данный момент согласно многим международным соглашениям имеет права, несет обязанности, а также ответственность за международные преступления. Более того, в целях защиты своих прав он может обращаться с жалобами в универсальные и региональные судебные и конвенционные органы. Рассмотрение таких обращений и принятие по ним решений существенно расширяют возможность международной защиты прав человека.

Необходимо особо подчеркнуть, что индивид, участвуя в международных правоотношениях, руководствуется в своих действиях не политическими, а личными интересами. Если жалобы государств подаются обычно в целях достижения определенных политических интересов, то индивидуальные обращения, как правило, лишены политизированности. Наделение личности правами и обязанностями, возложение на нее ответственности свидетельствует о том, что индивид превращается во все более полноценного субъекта международного права.

Вопрос о международной правосубъектности индивида и о статусе личности в международном праве — один из наиболее спорных в юридической науке.

В общей теории государства и права субъект права определяется как носитель прав и обязанностей. Следуя данному определению, многие ученые распространяют его и на международное право. Исходя из этого, отрицается международная правосубъектность индивида. Подобная точка зрения длительное время преобладала в советской и российской науке. За последние годы позиция ряда юристов в отношении признания индивида в качестве субъекта международного права стала постепенно меняться. Так, профессор К.А. Бекашев признает у индивида качества субъекта международного права. Международную правосубъектность индивида с определенными оговорками признает и О.И. Тиунов. В то же время и сегодня некото-

рые ученые все еще отрицают международную правосубъектность индивида.

Западные авторы также не отличаются единством подхода к признанию индивида субъектом международного права, хотя многие из них и поддерживают теорию его международной правосубъектности. Так, известный английский ученый Г. Лаутерпахт еще в 1950 году писал, что «международное право, как оно воплощено в Уставе ООН и других международных договорах, признает основные права индивидов независимо от внутреннего права и таким образом констатирует индивида как субъекта международного права»¹.

Предостерегая против гипертрофирования роли индивида в международном праве и рассмотрения его в качестве субъекта права, многие ученые и государственные деятели опасаются, что такая позиция может привести к подрыву суверенитета государств и вмешательству в его внутренние дела². Однако отрицание международной правосубъектности индивида противоречит практике современных межгосударственных отношений и тенденциям развития международного права.

Как уже было отмечено, в современных международных отношениях индивид обладает правами и несет определенные обязанности, что, несомненно, является свойством любых субъектов права. В то же время ограничиться только этим утверждением — значит не учитывать специфику международного права, которое является не внутригосударственным, а межгосударственным.

Нами еще в 1995 году было дано следующее определение субъекта международного права: это носитель международных прав и обязанностей, который участвует в международных правоотношениях, в создании норм и принципов международного права и несет ответственность за их нарушение. Такое определение, на наш взгляд, и в данный момент соответствует тенденциям развития международных правоотношений, хотя и нуждается в определенных уточнениях.

В настоящее время индивид принимает опосредственное участие в создании норм международного права, а также контролирует их исполнение. Известно, что реализация этих норм во многом обеспечивается контрольными и судебными органами, состоящими из экспертов, а не представителей государств. Вынося в адрес участников международных правоотношений те или иные рекомендации и решения, эти органы побуждают их выполнять конкретные принципы и нормы международного права. Кроме того, за нарушения определенных

¹ *Lauterpacht H. Law and Human Rights.* — L., 1950. P. 4.

² См., например: *Черниченко С.В.* Теория международного права: в 2 т. — М., 1999. Т. 1. С. 11; *Фердросс А.* Международное право. — М., 1959. С. 146.

норм универсальные органы (Международный уголовный суд), а также региональные органы (Европейский суд по правам человека) могут налагать на участников международных правоотношений строго определенные санкции.

Учитывая специфику международных правоотношений, можно дать следующее определение субъекта международного права: это носитель международных прав и обязанностей, который участвует в международных правоотношениях, в создании норм международного права и контроле за их исполнением, а также несет ответственность за нарушение таких норм. Исходя даже из такого широкого определения, индивида следует признать субъектом международного права с ограниченной правосубъектностью.

Государство является первичным субъектом международного права. Все остальные его субъекты производны или вторичны. Основой их международной правосубъектности служат международные соглашения, принятые государствами. Современные международные отношения включают широкий круг отношений между основными и производными субъектами:

- между государствами;
- между государствами и международными межправительственными организациями;
- между государствами и государственными образованиями, имеющими относительно самостоятельный статус;
- между международными межправительственными организациями;
- между государствами и индивидами;
- между международными межправительственными организациями и индивидами.

Многие российские и иностранные ученые справедливо считают, что основную роль в регулировании и защите прав человека играет государство, а международное право при этом имеет субсидиарный, вспомогательный характер. Однако необходимо сделать одно принципиальное уточнение: международное право играет вспомогательную роль в регулировании и защите прав человека только до тех пор, пока государство соблюдает взятые на себя обязательства. В случае же нарушения тем или иным государством основных прав и свобод человека международное право начинает играть основную роль в их защите.

В зависимости от характера таких нарушений к государству могут быть применены раз-

личные меры: конвенционные и судебные органы вправе принять решение о возмещении нанесенного ущерба, а Совет Безопасности ООН — рекомендовать применение принудительных мер.

Участие индивида в международных правоотношениях существенно расширяет границы международного права, которое все в большей степени учитывает интересы международного сообщества в целом, а также общечеловеческие интересы. Данный процесс отражает объективные потребности человечества. Обеспечение всеобщего мира, предотвращение ядерной войны, борьба с терроризмом, ликвидация преступных нарушений прав человека, сохранение экологической безопасности — вот далеко не полный перечень проблем, разрешение которых отвечает интересам тех или иных государств и потребностям человечества в целом.

Ради достижения указанных целей государства идут на ограничение своего суверенитета, а зачастую даже на ущемление собственных интересов (отказ от приобретения ядерного оружия, ратификация Статута Международного уголовного суда или Киотского протокола и т. д.). Однако необходимо иметь в виду, что такие процессы не проходят без осложнений, а также без отказа отдельных государств присоединиться к достигнутым договоренностям в целях сохранения своего преобладающего влияния в мире и защиты сугубо эгоистических национальных интересов.

Общечеловеческие интересы в международных отношениях защищают не только государства, но и индивиды — эксперты универсальных и региональных органов, представители неправительственных организаций и многие другие.

Широкое участие в международных отношениях физических и юридических лиц, представителей неправительственных организаций и различных международных объединений делают эти отношения менее политизированными. Они все в большей степени начинают отражать интересы не отдельных государств, а международного сообщества в целом.

В XXI веке в мире лишь путем разумного сочетания интересов государства и личности возможно создать международный правопорядок, достойный человеческой цивилизации.